

ОСАДА ГУНИБА И ПЛЕНЕНИЕ ШАМИЛЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ Д.И. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО

Осада Гуниба и пленение Шамиля — это известные исторические фрагменты завершающего этапа войны царской России против Имамата¹ Чечни и Дагестана, которые достаточно подробно освещены многими авторами, очевидцами и современниками, участниками Кавказской войны. На эти события по горячим следам и позже откликнулись публикациями журналы «Современник»², «Русский вестник»³, «Русский архив»⁴, «Военный сборник»⁵, «Русская старина»⁶, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК)⁷, «Исторический вестник»⁸, «Красный архив»⁹, где были напечатаны статьи, воспоминания и письма А. Зиссермана, А. Орлова-Давыдова, М. Ольшевского, С. Шульгина, Н. Стреллока, А. Аноева, С. Бушуева и других. Не все публикации имели равное значение, многие из них демонстрировали яркий пример тенденциозности, не раскрывали истинных социально-политических причин событий и освещали их в выгодном для царизма свете, оправдывая методы ведения войны и военно-колониальную систему управления. Тем не менее, именно благодаря этим материалам до нас дошли важнейшие факты и эпизоды периода Кавказской войны, что позволяет сделать собственные выводы и заключения.

Особняком в этом ряду стоят воспоминания военного министра царствования Александра II, участника взятия Гуниба, графа Д.А. Милютин¹⁰,

¹ Имамат — мусульманское теократическое государство мюридов Чечни и Дагестана под управлением имама Шамиля, существовавшее в 1829–1859 гг. Завоевано Российской империей в ходе Кавказской войны.

² *Зиссерман А.* Очерк последних военных действий на Восточном Кавказе // Современник. — 1860. — № 7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Zissermann/ocerk4.htm>.

³ Внутренние известия // Русский Вестник. — 1859. — № 9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/RV/9_1859.htm.

⁴ *Гр. А. О-Д.* Частное письмо о взятии Шамиля. 1859 // Русский архив. — М., 1869. — Т. 6. — С. 1046–1063.

⁵ *Стрелок Н.Н.* Из дневника старого кавказца // Военный сборник. — 1870. — № 11.

⁶ *Солтан В.* На Гунибе в 1859 и 1871 гг. // Русская старина. — СПб., 1892. — Т. 74. — С. 392–418; *Записки М.Я. Ольшевского.* Кавказ с 1841 по 1866 // Русская старина. — СПб., 1894. — Т. 82. — С. 228–240.

⁷ *Шульгин С.Н.* Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках // СМОМПК. — Тифлис, 1903. — Т. 32. — С. 10–24.

⁸ *Аноев А.* Из кавказских воспоминаний // Исторический вестник. — 1906. — № 9.

⁹ *Бушуев С.* К биографии Шамиля // Красный архив. — 1941. — № 2 (105).

¹⁰ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — генерал-адъютант, военный и государственный деятель России, принимал участи в осаде и штурме Гуниба.

где детально описываются интересующие нас события. Написаны мемуары были уже после его отставки — в 1889–1892 гг. Они долго не издавались и хранились в личном фонде графа в Отделе рукописей бывшей Ленинской библиотеки. В 1997–2006 гг. «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина» в семи томах были опубликованы в Москве, под редакцией профессора Л.Г. Захаровой.

Указанные события запечатлены также в хрониках и воспоминаниях представителей противоположной стороны, возникших, как подчеркивал И.Ю. Крачковский, «в той самой среде, которой были посвящены». Исключительно важный фактический материал подготовил дагестанский арабоязычный автор XIX в. Гаджи-Али, который занимал в имамате высокие должности и «был довольно близким к имаму человеком». Работа «Сказание очевидца о Шамиле» впервые опубликована в 1873 г. в «Сборнике сведений о Кавказских горах». По мнению В.Г. Гаджиева, она основана «на личных впечатлениях автора с довольно широким использованием сведений, полученных им из вторых и даже третьих рук»¹¹.

Среди дагестанских исторических сочинений XIX в. труды Абдурахмана из Газикумуха занимают особое место. Его наследие стало доступно широкому кругу историков сравнительно недавно, когда были опубликованы воспоминания автора «о делах жителей Дагестана и Чечни»¹².

Интересная информация о Кавказской войне и пленении Шамиля содержится в труде бывшего секретаря имама и муфтия имамата — Мухамада-Тахир Аль-Карахи, переведенном на русский язык А.М. Барабановым и впервые опубликованном в Москве в 1941 г.¹³

С рукописными воспоминаниями¹⁴ князя Д.И. Святополк-Мирского о князе А.И. Бяратинском¹⁵, хранящимися в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве, автор впервые ознакомился в 2005 г. в ходе работы над кандидатской диссертацией. Но только сейчас было принято решение проанализировать и обнародовать отдельные исторические события Кавказской войны, описанные одним из высших офицеров Кавказской

¹¹ Гаджиев В.Г. Предисловие. Гаджи-Али и его место в изучении истории движения горцев Дагестана и Чечни под водительством Шамиля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://a-u-l.narod.ru/Gadji-Ali_Skazanie_ochividza_o_Shamile.html#glava-p.

¹² Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний Абдурахмана, сына шейха Тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. — Махачкала, 1997 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/Arabojaz_ist/Gazikumuchi_III/text4.htm.

¹³ Мухамад-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых Шамилевских битвах / Перевод А. Барабанова. — М., 1941.

¹⁴ Центральний державний історичний архів України в м. Києві (далі — ЦДІАК України), ф. 2056, оп. 1, спр. 89, 101 арк.

¹⁵ Бяратинский Александр Иванович (1815–1879), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий войсками Отдельного Кавказского корпуса. С его именем связано окончание Кавказской войны и пленение Шамиля в 1859 г.

армии и, что немаловажно, непосредственным участником событий. В военных кампаниях против «непокорных горцев» в 1859 г. князь Д.И. Святополк-Мирский возглавлял походный штаб Дагестанского отряда генерал-адъютанта барона А.Е. Врангеля, который вытеснил Шамиля из Аварии, заставил его укрыться в Гунибе и принимал активное участие в штурме укрепленного аула. За отличия в этих событиях князь Д.И. Святополк-Мирский был награжден орденами св. Анны 1-й ст. и св. Владимира 3-й ст.

Несмотря на то, что историография данной проблемы является достаточно обширной, на наш взгляд, воспоминания еще одного очевидца гунибской драмы, его характеристика Шамиля¹⁶ и военной обстановки, сложившейся вокруг этого, поистине знаменательного исторического события для всей кавказской кампании, вызовет интерес в научной среде.

До сих пор представленные материалы князя Д.И. Святополк-Мирского не пользовались особым вниманием украинских историков и просматривались только одним исследователем — и то, в далеком 1950 г., когда изучение мемуаров о представителях высших сословий для советских ученых вообще не являлось актуальным, а вопросы покорения кавказских народов лишней раз старались не поднимать. В своих воспоминаниях князь подробно описывает свой конфликт с генералом Н.И. Евдокимовым¹⁷ в 1861 г., а также поездку в Париж, где он выполнял личные поручения своего покровителя — князя А.И. Барятинского. Не мог, естественно, обойти вниманием Д.И. Святополк-Мирский знаменательный в жизни князя А.И. Барятинского и немало значивший для самого автора мемуаров 1859 г., когда пленением имама Шамиля закончилась Кавказская война на Тереке. Это событие автор описывает весьма подробно. По занимаемой должности начальника штаба войск Дагестанской области и будучи одним из приближенных главнокомандующего, он ежедневно бывал в его ставке под Гунибом, где доверительно общался с ним и, следовательно, был в курсе всех значимых происшествий, случившихся в ходе осады крепости.

Как следует из воспоминаний, Д.И. Святополк-Мирский во время пленения Шамиля находился вместе с бароном А.Е. Врангелем и войсками в 100 шагах от места, где происходили основные действия¹⁸. Глава, которая посвящена интересующему нас вопросу, весьма обширна, состоит из 21 листа и называется «Воспоминания за 1859 г.».

Здесь автор передает некоторые детали события, рассуждает о причинах, побудивших Шамиля к сдаче в плен, роли князя А.И. Барятинского в покорении Восточного Кавказа, его разрыве с Д.А. Милютиним и т. д.

¹⁶ Имам Шамиль вместе со своими родственниками и обслугой в 1868–1869 гг. жил в Киеве в Крепостном переулке, о чем извещает бронзовая мемориальная доска на доме № 4.

¹⁷ Евдокимов Николай Иванович (1804–1873) — генерал-от-инфантерии, участник Кавказской войны, принимал участие в осаде и штурме Гуниба.

¹⁸ ЦДІАК України, ф. 2056, оп. 1, спр. 89, арк. 80.

«Приступая к описанию военных событий этого года, поскольку я был в них замешан посредством моих близких отношений к Барятинскому и в силу его ко мне доверия, — пишет Д.И. Святополк-Мирский, — я должен сделать над собой усилие, чтобы сказать всю правду. Должен сделать усилие, потому что чувствую, как читающие эти строки легко могут заподозрить меня не более чем в хвастовстве и потому что мне придется указывать на слабости и ошибки людей, достойных уважения и глубоко многоуважаемых»¹⁹.

Далее автор повествует о подробностях назначения его начальником штаба войск Дагестанской области, характеризуя при этом своего непосредственного начальника барона А.Е. Врангеля²⁰ как почтенного, благородного рыцаря, но рыцаря часто капризного, а подчас и строптивого²¹.

Свои воспоминания об осаде аула и пленении Шамиля мемуарист начинает словами: «Итак, драма близилась к концу. Грозный Шамиль с несколькими стаями оставшихся у него приверженцев укрепился в Гунибе, последнем своем убежище. Его окружала со всех сторон масса наших войск. И мы все-таки стояли в недоумении, не зная, что делать и не без опасения относительно окончательного исхода дела. Причиной тому были не столько крепость Гунибской местности, сколько нравственное обаяние засевшего там героя»²².

Автор анализирует последствия возможной гибели или же прорыва из окружения Шамиля, говорит о выгоде для общего дела, в случае принуждения его к сложению оружия и сдачи в плен: «Мертвый или павший в бою, он остался бы в глазах горцев живой легендой, способной создать нам немалые затруднения в будущем. Успей он спастись бегством хотя бы один, и могла опять повториться история Ахульго²³. Нам нужно было заставить его сдаться», — замечает Д.И. Святополк-Мирский.

«Начавшиеся переговоры вначале ни к чему не привели, — продолжает автор, — потому что Шамиль не верил нам и имел право не верить, судя по прошлому». Тогда, по настоянию Д.А. Милютина, Н.И. Евдокимова и Э.Ф. Кесслера, было принято решение организовать осаду Гуниба по всем военным правилам. Так как это требовало продолжительного времени, то присутствие князя А.И. Барятинского в расположении войск было признано военачальниками нецелесообразным, якобы «могущим скомпрометировать главнокомандующего в глазах только что покорившегося населения». Д.И. Святополк-Мирский откровенно сообщает об интригах среди военачальников, которые хотели под благовидным предлогом удалить А.И. Барятинского из-под Гуниба, самим овладеть крепостью и присвоить себе всю славу покорителей

¹⁹ Там само, арк. 67.

²⁰ Там само.

²¹ Там само.

²² Там само, арк. 76 зв.

²³ Имеется в виду блокада и штурм в августе 1839 г. дагестанского аула Ахульго, резиденции Шамиля. Тогда раненому Шамилю удалось вырваться из окружения вместе с двумя десятками сподвижников и через некоторое время собрать новые отряды для продолжения борьбы.

Восточного Кавказа: «нашим славным начальством овладело какое-то умопомешательство, и впечатление это ощущал далеко не я один». Однако, по мнению автора воспоминаний, это торжествующее шествие по стране, памятной нашими неудачами и кровавыми жертвами, стране, только что считавшейся недоступной, было А.И. Барятинскому по сердцу, и, правду сказать, по своей наружности и приемам он вполне подходил к такой роли²⁴.

Как утверждает мемуарист, А.И. Барятинский приглашал его к себе ежедневно — больше для своего удовольствия, чтобы поговорить по душам о разных предметах. О деле говорилось только вскользь, мимоходом. Главнокомандующий был мастер уклоняться от разговора, которого не желал. «Но я замечал, однако, что он часто задумывался и был чем-то недоволен», — подчеркивает Д.И. Святополк-Мирский²⁵.

Тем не менее, разговор, который долго откладывался А.И. Барятинским, всё-таки состоялся, что было зафиксировано автором воспоминаний: «Наконец, не помню которого именно числа августа, он прислал за мной довольно рано, в необычный час. Я застал его в большом волнении, прохаживающимся быстрыми шагами по палатке, из угла в угол, как лев в клетке»²⁶.

Подробно излагается и содержание его разговора с А.И. Барятинским. Д.И. Святополк-Мирский пишет, что, походив еще немного, главнокомандующий вдруг уперся в него своими пронизательными глазами, которые горцы называли «гузлер-яман», и сказал по-французски: «Вы знаете, что я смотрю на вас, как на родного брата, я знаю, что вы мне преданы и имею большое доверие к вашему мнению. Ответьте мне прямо и откровенно, ничем не стесняясь, на мой вопрос — меня уговаривают уехать отсюда, и я уже почти согласился. Что вы об этом думаете?»²⁷.

«Вы себе не можете представить, — ответил я, — насколько я счастлив вашим вопросом, на который я могу ответить без минуты колебания. Вы должны умереть здесь на месте или взять Шамиля». От такого ответа А.И. Барятинский пришел в восторг и умиление: «Да, — сказал он, — вы правы, это, в сущности, было и всегда моим мнением, но вот, что мне говорят». И он стал излагать доводы его официальных советников, которые, как полагает автор, не стоит и «повторять из-за их неосновательности».

Результатом их разговора стало то, что главнокомандующим тотчас было отдано приказание об отмене отъезда из-под Гуниба, чем, по предположению автора, сильно огорчил своих советников: «Милютин был точно ошеломлен, он, казалось, с трудом верил происходящему на глазах, столь неожиданному, Евдокимов как будто о чем-то сожалел и о чем-то раздумывал. Оба они в глубине души считали себя, один в теории, другой — на практике,

²⁴ Там само, арк. 76.

²⁵ Там само, арк. 77.

²⁶ Там само.

²⁷ Там само, арк. 77 зв.

более знающим и умным, чем Барятинский, и вдруг оказалось противное — дилетант превзошёл артистов»²⁸.

Воспользовавшись полученным правом советчика, Д.И. Святополк-Мирский начал доказывать А.И. Барятинскому, что длительная осада Гуниба невозможна и что Гуниб может и должен быть взят если не прямым штурмом, то «постепенной эскаладою»²⁹. А.И. Барятинский не отвергал ни то, ни другое предложение. Однако он выразил опасение, что при штурме Шамиль может погибнуть, между тем, как необходимо взять его живым. После долгих рассуждений, не согласившись на штурм, главнокомандующий остановился на том, что нужно разрешить «всем начальникам колонн делать попытки к овладению Гунибом по их усмотрению и под их ответственность, обещая щедрую награду тому, кто в этом преуспеет, и 1000 рублей тому лицу, которое возьмет Шамиля в плен»³⁰.

Автор воспоминаний откровенно пишет о том, что после этих событий отношение высших офицеров отряда к нему ухудшилось, а его личное положение сделалось затруднительным и фальшивым: «главнокомандующий, так сказать, не выпускал меня из своей палатки, а после наших свиданий делались часто распоряжения, которые приписывались моему влиянию, и многие стали смотреть на меня косо или прямо враждебно». Лишь только честный и добрый Врангель не имел претензий и говорил шутливо: «Я потерял начальника штаба, но он там (в палатке главнокомандующего. — *А.Д.*) полезнее»³¹.

Распоряжения, сделанные А.И. Барятинским, предоставившие большую самостоятельность и давшие возможность проявить инициативу командующим колонн, наиболее знакомым с условиями местности и обстановкой на своем участке, оказались успешными. Как пишет автор, «войска с разных направлений одновременно бросились на штурм и взобрались на Гуниб, и раньше всех солдаты Апшеронского полка»³².

Автор воспоминаний выражает уверенность в том, что Шамиль сдался в плен только ради спасения своего семейства: «Он смерти не боялся и, сдаваясь, ожидал скорее казни, чем помилования, несмотря на уверения Лазарева³³, встретившего его у выхода из аула». Он отмечает исключительную роль генерала И.Д. Лазарева в событиях и показывает психологическое состояние Шамиля в момент сдачи в плен: «Полагаю, однако же, что увещевания Лазарева на него подействовали, и Лазарев в том случае, как и вслед за тем, при обезоруживании мюридов, сопровождавших Шамиля, оказал важную услугу. Находясь с Врангелем и войсками в 100 шагах от аула, я видел, как Шамиль

²⁸ Там само, арк. 76.

²⁹ Эскалада (с французского — лестница) — штурм крепостей с помощью лестниц.

³⁰ Там само, арк. 79.

³¹ Там само, арк. 79 зв.

³² Там само, арк. 80.

³³ Лазарев Иван Давидович (1820–1879) — российский генерал, перед капитуляцией Шамиля отправился к нему в Гуниб для переговоров об условиях сдачи в плен.

переговаривался с Лазаревым и после некоторого времени колебания двинулся к нам в сопровождении десятка мюридов. Все они были вооружены. Встретившись с Шамилем, Врангель подал ему руку, которую тот, однако, не принял. Шамиль имел вид взволнованный и решительный, как человек, идущий на казнь»³⁴.

Д.И. Святополк-Мирский откровенно пишет о том, что он при представлении плененного Шамиля главнокомандующему А.И. Барятинскому не присутствовал, так как оставался на позиции перед аулом: «Изобразив меня на своей картине «Плен Шамиля», стоящим возле главнокомандующего, Горшельд³⁵ поддался фантазии артиста», — замечает он. Тем не менее, автор пытается воспроизвести эпизоды встречи Шамиля с А.И. Барятинским: «На приветствие главнокомандующего и упрек, что он так долго медлил сдаваться, Шамиль отвечал грубо, сказав, что кто раз вступил в га-о [...] тот остерегается — намек на случаи, когда он считал себя нами обманутым. Фраза эта, кажется, была смягчена переводчиком»³⁶.

Далее Д.И. Святополк-Мирский излагает свои мысли относительно того, кому из русских военачальников того времени принадлежит главная заслуга в пленении Шамиля и покорении Дагестана и Чечни. «Итак, Шамиль взят, — пишет он, — покорение Восточного Кавказа, прослывшее невозможным, свершилось двумя годами раньше, чем на это рассчитывал главный исполнитель этого великого дела Евдокимов. Кому же приписывать заслугу покорения Восточного Кавказа? Барятинскому или Евдокимову, или даже Милютину? Такой вопрос обсуждался уже неоднократно, и будет обсуждаться еще более в будущем»³⁷.

У автора по этому вопросу имеется своя собственная точка зрения, которую он пытается аргументировать, логически связав в единую цепь основные события на Кавказе, происходившие в последние несколько лет, с деятельностью А.И. Барятинского, Н.И. Евдокимова и Д.А. Милютин.

Д.И. Святополк-Мирский предлагает представить себе, как повернулись бы здесь события с 1856 г., если бы в них не принимали участие названные им лица. «Не будь Милютин, — убежденно говорит он, — его легко заменил бы кто-нибудь другой. Не будь Евдокимова, завоевание Чечни случилось бы несколько времени больше. Не будь Барятинского, не было бы ничего из того, что при нем свершилось, и можно даже допустить, что Кавказская война продолжалась бы до сих пор. Для меня, по крайней мере, это ясно, как день», — категорически резюмирует Д.И. Святополк-Мирский.

³⁴ Там само, арк. 80.

³⁵ Речь идет о немецком художнике Т. Горшельте (1828–1871), очевидце событий под Гунибом, авторе картины «Плененный Шамиль» (1863).

³⁶ Там само, арк. 81 зв.

³⁷ Там само.

Автор акцентує увагу на основних трьох факторах, які, як він вважає, дозволили так несподівано швидко подолати Кавказ — завдання, вважалося до цих пор неможливим:

1. Воля главнокомандуючого предпринять швидке подолання Кавказу.
2. Надання потрібних для цього засобів.
3. Найенергійніше використання цих засобів, тобто неперервність військових дій проти горців, заміна старої системи тимчасових експедицій.

Д.І. Святополк-Мирський вважає, що першим з цих факторів є виключно особистість самого А.І. Барятинського, другим — надання йому імператором, який виділив для закінчення Кавказської війни необхідну кількість військ і грошей. Що стосується неперервності військових дій, то автор нагадує, що ще в 1853 г. А.І. Барятинський вказував на цю міру, як на єдине засіб подолання горців. «Ітак, — висловлює свою думку Д.І. Святополк-Мирський, — джерелом головних факторів, які привели до швидкого подолання Кавказу, є, неспростовно, Барятинський, все інше мало лише допоміжний характер»³⁸.

Заслуга А.І. Барятинського, на думку автора, полягає навіть у тому, що він обрав Д.А. Милютину на посаду начальника свого штабу і вгадав про призначення Н.І. Евдокимова, користуючись тим, що там ніхто не говорив, «сомніливою репутацією найкращого виконавця своїх намірів»³⁹.

Незважаючи на сусіди про зловживання Н.І. Евдокимова, він став одним з найкращих підлеглих А.І. Барятинського, який знайшов в грубова-том, напівграмотному «генералі з народу» чудову практику, що поєднує його думку і надії, чудовими якостями якого, як слід згадувати, були наполеглива неухильність, безжалюща воля до досягнення мети і розуміння особливостей Кавказської війни⁴⁰.

В офіційній переписці того часу замість слова «подолати» стали використовувати інший термін — «миротворення», авторство якого Д.І. Святополк-Мирський приписує Д.А. Милютину. Оцінюючи останнього як людину високих моральних принципів і дій, доброго громадянина, державного діяча, військового письменника і вченого, мемуарист не визнає його військових заслуг і здібностей. Роль його на Кавказі Д.І. Святополк-Мирський характеризує як пасивну і канцелярсько-виконавчу, чому він нібито

³⁸ Там само, арк. 83.

³⁹ Д.І. Святополк-Мирський натякає на відомі темні сторони діяльності генерала Н.І. Евдокимова на Кавказі, пов'язані з фінансовими махінаціями. Він мав репутацію відкритого казнокради. Згідно згадані А.Л. Зиссермана, А.І. Барятинський прикривав свого виконавчого підлеглих від царського гніву, а критик Н.І. Евдокимова говорив: «Евдокимов украде 100 рублів, а користі принесе на 10 тисяч». См.: *Муханов В.М.* Наброски до портрету генерала Н.І. Евдокимова // Кавказський збірник. — М., 2008. — Т. 5 (37) / Під ред. В.В. Дегоева. — С. 156–158.

⁴⁰ ЦДАК України, ф. 2056, оп. 1, спр. 89, арк. 83.

имеет много доказательств⁴¹. При этом подчеркивает, что придя к такого рода выводам, вовсе не отрицает и не умаляет ничьи заслуги — от советников главнокомандующего до рядового солдата, «проливавшего свою кровь и пот в борьбе с горцами»⁴².

От признания исключительных заслуг князя А.И. Барятинского и восторженных эпитетов в адрес главнокомандующего Д.И. Святополк-Мирский переходит к критике некоторых его человеческих качеств, таких как самолюбие, тщеславие, обидчивость и эгоцентризм. Пленение Шамиля, по свидетельству автора, привело А.И. Барятинского в какой-то детский восторг. Радость его не имела пределов и доходила даже до неприятного злоупотребления в отношении близких. Он постоянно возвращался к этому событию, вспоминал обстоятельства и подробности. Например, как он послал в отряд А.Е. Врангеля Р.А. Фадеева⁴³ с приказанием, противоречащим воззрениям Д.А. Милютина и Н.И. Евдокимова, и распек Р.Х. Тромповского⁴⁴ за то, что не взял с собой красных штанов, чтобы сопровождать Шамиля в Петербург и тому подобное. Любимой темой разговоров А.И. Барятинского было также представление о том, что известие о взятии Шамиля попадет в Петербург, как этому обрадуется государь, «какие рожи скорчат» при этом его враги и завистники⁴⁵.

Д.И. Святополк-Мирский вспоминает, что после пленения Шамиля тут же на Кечерских высотах стал свидетелем сцены, когда он с Д.А. Милютиным находились в палатке А.И. Барятинского. Главнокомандующий снова стал говорить о последних событиях, акцентируя внимание на том, как он предвидел и предсказал все, что случилось. Д.А. Милютин, которому такой разговор не мог быть приятен и даже надоел, как показалось автору, вдруг обронил: «Что же это, колдовство?». «Нет, не колдовство, Дмитрий Алексеевич, — возразил серьёзным тоном А.И. Барятинский, — а верная оценка обстоятельств»⁴⁶. На этом разговор прекратился, и, по мнению Д.И. Святополк-Мирского, это стало началом последующих столкновений, завершившихся полным разрывом отношений между Д.А. Милютиным и А.И. Барятинским.

Подводя итоги, можно сказать, что воспоминания Д.И. Святополк-Мирского об осаде Гуниба и пленении имама Шамиля, как исторический источник, имеют важное значение. Они точны, содержательны, написаны чрезвычайно информированным и компетентным человеком, участником и очевидцем событий, генералом, особо приближенным к главнокомандующему. В воспоминаниях отразились превосходное знание автором всех перипетий

⁴¹ Там само, арк. 84 зв.

⁴² Там само, арк. 83 зв.

⁴³ Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) — генерал-майор, военный историк, состоял в службе при А.И. Барятинском.

⁴⁴ Тромповский Роберт Христианович — полковник, адъютант А.И. Барятинского.

⁴⁵ Там само, арк. 85 зв.

⁴⁶ Там само, арк. 86.

Кавказской войны, его природный ум, наблюдательность и общественно-политические взгляды. Личные симпатии не помешали автору критически подойти к описываемым событиям, осветить некоторые закулисные факты и беспристрастно охарактеризовать каждого из упомянутых им действующих лиц. Все это повышает значимость воспоминаний Д.И. Святополк-Мирского и придает его творческому наследию особую ценность.